

ЧТО НАМ СЕГОДНЯ ИЗВЕСТНО о системе Макаренко?

В 1988 году в журнале «Советская культура» (от 6 февраля, с. 7) вышла статья о творчестве А.С. Макаренко. Спустя годы этот культурный и исторический артефакт, содержащий оценку экспертов, приобретает новое звучание, тем более что герои беседы многим до боли знакомы.

- педагогика Макаренко
- коллектив
- дисциплина
- уважение к человеку
- директивность
- народность

Не от незнания ли возникают полярные взгляды — то ли панацея от всех педагогических бед, то ли теоретик и практик, принесшей столько бед авторитарной педагогике!

В обстановке, когда мнения, суждения резко расходятся, а оппоненты непримиримы, такие суждения часто принимают характер обвинений.

Но не забудем: всякое обвинение нужно доказать, а для этого привести аргументы.

ОБВИНЕНИЕ ПЕРВОЕ: Проживи Макаренко дольше, он стал бы «педагогическим Лысенко», он — самый последовательный выразитель командных методов в педагогике. Разве не его идеал — дисциплина, строжайшее подчинение индивида коллективу, воензированные отряды, сверхтребовательность! Так, в частности, трактуют роль Макаренко некоторые западные учёные.

Л. НОВИКОВА, доктор педагогических наук, Москва: В 1950-е годы, которые прошли под флагом выяснения — нужен или нет нам Макаренко, на «требовании» в его системе делали главный акцент.

С тем же уклоном впоследствии стали вводить документы о самоуправлении в школе: развитие коллектива — это развитие требований. От диктаторского требования к каждому его члену до требовательности к самому себе. Но нельзя не видеть того, что закрепление авторитарного начала в образовании внесло немалый вклад в формирование административно-командной системы. Нельзя также не видеть, что и сегодня продолжают попытки создания программы воспитания на этом же фундаменте.

А. МАКАРЕНКО: «...дисциплина, основанная на технической норме, догме, приказе, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение, механическое подчинение одному управляющему лицу».

М. ВИНОГРАДОВА, кандидат педагогических наук, Москва: Обвинение в жёсткости предъясняется, как правило, от тех, кто о самом периоде тридцатых годов знает понаслышке. Для меня же это — личная судьба. Мой отец был репрессирован. Для меня Макаренко, с тех самых пор как в детстве я прочла «Педагогическую поэму», стал воплощением гуманизма. «Как можно больше уважения к человеку

и требования к нему» — вот его лозунг. Конечно, можно заметить одни «требования». А я увидела уважение. Именно в те годы, когда его так не хватало.

Это глубоко неверно — представлять себе коллектив Макаренко как марширующую колонну безликих людей. Наоборот, его коллектив был ареной становления и выражения индивидуальности. Говорить о её подавлении может только неосведомлённый человек.

Б. ХАНДРОС, *литератор, Киев*: Подчищенная, официальная биография Макаренко далеко не соответствует действительности. Косвенно он сам в этом виноват — создавалась иллюзия, что нам всё известно из его же собственных книг. Часто его редактировали «под эпоху». Случалось, произвольно сокращались иные страницы, а то и главы, не включались в издания «неудобные» письма. Так создавался не портрет, а икона...

Вот, скажем, из официальной биографии «выпал» брат, Виталий Семёнович (1895–1983). Это был не просто младший брат, а любимый брат, ученик, коллега — два года, с 1917 до 1919, они вместе работали в Крюкове, в школе. В 1919 году дороги братьев разошлись. Строки из анкеты, заполненной А. Макаренко в 1935 году: «Мой брат... с августа 1919 был в армии Деникина, подпоручик. Сейчас в эмиграции. Место жительства мне неизвестно, связей не имею».

Казалось бы, ничего страшного не произошло — биографы просто «забыли» про брата. Но в 1970-е годы из-за этой забывчивости случился конфуз. Имя брата всплыло, его разыскали в доме для престарелых в Париже сотрудники лаборатории Макаренко при Марбургском университете. К слову сказать, у нас подобная лаборатория была закрыта в 1950-е годы, а те — работали.

Сотрудники Марбургской лаборатории помогли престарелому эмигранту написать книгу «О моём брате». Она переведена на многие языки, введена в оборот макаренковедения как источник биографии. В книге этой много вымысла, много нескрываемой «сальериевской» зависти, но немало и ценных биографических сведений, не известных прежде деталей и штрихов. А мы тем временем гнём свою линию. Как прежде игнорировали существование брата, так продолжаем игнорировать — теперь уже его книгу. Но не просто игнорировать, а использовать, не называя источника.

А. МАКАРЕНКО (из писем 1927–1928 гг.): «Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...», «Много читаю Ленина и прямо в восторг прихожу... Он тоже на нашей стороне».

Те же цитаты из книги 1951 года издания: «Мир точной сталинской логики...», «Много читаю Сталина...»

ВЕДУЩИЙ: «Идеологическая диверсия» — такова оценка работы исследователей ФРГ в отечественной книге. В той же книге приводятся данные: к 1980 году в Западной Германии было издано более 800 работ по Макаренко. Неужели только очернительства, антисоветизма ради? Трудно с этим согласиться. Во многих странах идеи Макаренко вовсе не только повод для политических спекуляций. Их изучение — потребность практики воспитания.

Нужно ли нам ворошить факты биографии А. Макаренко, нужно ли восстанавливать непростой и небыстрый его приход к большевизму, к идеям социализма? Драматизм судьбы, причастность к самым крутым поворотам истории интересны не только сами по себе — они-то и преломляются в том деле, которому отдал себя человек, наполняют его жизнью

и смыслом. Делая из биографии схему, мы схематизируем и дело, лишаем содержания и то, и другое.

А. ФРОЛОВ, доктор педагогических наук, г. Горький: Я рад, что именно история судьбы и дела Макаренко поставлена в центр нашего разговора. В чём феномен Макаренко? Сказать так, что он одновременно и диктатор, и гуманист, — неправомерно. В двадцатые годы его критиковали за приверженность к дореволюционной педагогике — авторитаризм, дисциплина, наказания и т.п. В тридцатые годы Макаренко доставалось за отступление от постановлений ЦК партии по школе 1931–32-го годов. Его обвиняли в том, что он продолжает линию двадцатых годов, исходит из декларации о единой трудовой школе, опирается на демократизм и самоуправление. Его били с двух сторон, не умея увидеть органической «слитости» в его системе одного и другого.

Что же всё-таки в нашей жизни привело к такому страшному искажению, когда лучшему педагогу, отечественной гордости мы навешиваем ярлык диктатора-догматика? Не потому ли мы это делаем, чтобы как-то оправдать неприятие его нашей школой? И не вину Макаренко надо в этом увидеть, а нашу общую беду.

А. МАКАРЕНКО: *«По политическим убеждениям — беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм».*

ОБВИНЕНИЕ ВТОРОЕ: Педагогика Макаренко — педагогика для беспризорных. Всё, что он делал, годится только для преступников, правонарушителей и прочей публики. Сегодня для нас его методы работы неприемлемы. Эта точка зрения неявно или явно присутствует во многих отечественных работах.

В. СЛОБОДЧИКОВ, кандидат психологических наук, Москва: Это обвинение воз-

никает не случайно — у нас нет философского, социально-культурного, исторического анализа феномена Макаренко. Оттого и шарахаемся из стороны в сторону. Эти шараханья, кстати, он прогнозировал. Писал о том, что в педагогике существуют две формы страха. Одна — перед сложностью и многообразием индивидуальностей. Она диктует стремление всех загнать в один шаблон, всех запустить ходить строем. И другая форма страха — она выражается в пассивном следовании за каждым индивидуумом, в боязни любых проявлений коллективности. А мы не понимаем, что хотя и две формы, но страх-то один. И уж кто-кто, а Макаренко был от него свободен.

Педагогическая система Макаренко во всей её полноте до сегодняшнего дня, по сути, не была реализована. Разве что его собственными учениками.

ВЕДУЩИЙ: И всё же, раз такое обвинение в адрес Макаренко существует, имеет смысл выслушать тех, кто работает в исправительных учреждениях. И потому ещё, что попавший в колонию подросток даёт возможность увидеть самые катастрофические противоречия в системе воспитания, образования, общественном климате.

С. КУЗЬМИН, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами, исполняющими наказания, Академии МВД СССР, Москва: В период коллективизации в местах лишения свободы оказалось огромное число людей, проблему управления пытались решить военно-административным способом — ввели роты, фаланги. Но толку от этой военизации не вышло. Тогда, как это ни парадоксально в подобной ситуации звучит, по инициативе «снизу» — заключённых Соловецкого лагеря особого назначения — стали возникать так называемые «трудовые коллективы». Они объединили

большинство осуждённых и работали на принципах хозрасчёта и самоокупаемости. Просуществовали эти формы до 1938 года.

После 1953 года множество осуждённых вышло на свободу, но в местах заключения осталась сложившаяся за долгие годы попустительства организованная преступность, объединявшая до 10% заключённых.

Тогда-то и возник интерес к педагогическому наследию Макаренко у работников исправительно-трудовых учреждений. Увидели — то, что использовалось им в работе с несовершеннолетними, может помочь и в работе со взрослыми правонарушителями. Самым важным в системе Макаренко оказалась цель — цель, которую он ставил перед своими воспитанниками: человеку необходимо дать возможность увидеть своё будущее, не позволить ему застрять в дне сегодняшнем. Стали работать над созданием коллективов. Когда они были созданы, когда заработало самоуправление — только тогда удалось справиться с организованной преступностью.

А. МАКАРЕНКО: «Я утверждаю, что не выработано ещё наказание, уничтожающее до конца конфликт».

ВЕДУЩИЙ: Публикации последнего времени, которые приоткрыли завесу над некоторыми «тайнами» жизни заключённых, говорят всё же о том, что там ещё не всё так благополучно — уродливые формы унижения младших в тюрьмах, рецидивы — это, увы, факты. Приходится заключить, что не так широко распространены формы работы «по Макаренко»?

М. РЕЗВАНОВ, заместитель начальника по политико-воспитательной работе воспитательно-трудовой колонии: Я, естественно, не могу сказать обо всех детских колониях, могу только о нашей. Она была основана в 1959 году, первый её руководитель — С. Калмыков — был настоящим

макаренковцем. Кстати, я уверен, что внедрить систему Макаренко директивно нельзя. Директивность всегда порождает извращения. Сергей Владимирович был предан духу Макаренко — не копировал его, но развивал в наших условиях. Мы не могли уйти от охраны — у Макаренко, как известно, колонии были открытыми. Со временем подмена разумных решений управленческими инструкциями коснулась и нас — налагались запреты за запретами, бесконечные проверки, вмешательство прокуратуры. Мы оказались со связанными руками — но работать по системе Макаренко, не имея права на самостоятельные решения, нельзя. Начальник наш вынужден был уйти. А ведь при нём было время, когда всю колонию мы выводили за зону купаться и не было никаких побегов.

Сейчас появились надежды на изменение положения. Впервые за многие годы спросили наше мнение. Мы послали свои предложения по гуманизации и демократизации жизни колоний, и большинство их приняли.

Мне кажется, главное, что создал Антон Семёнович, — это подлинное самоуправление. Педагог должен суметь остаться в тени — пусть решения важнейших вопросов исходят от самих ребят. Я вижу в этом идеал работы педагога. Когда получается — значит есть коллектив, значит работает система Макаренко.

Б. ХАНДРОС: Открытая колония Макаренко уже при его жизни была признана величайшим открытием мировой педагогики. К нам приезжали сотни людей и говорили — такого нет нигде. В других странах детей калечат в тюрьмах, а здесь — воспитывают настоящих людей. Теперь, говорят, дети стали другими и охрана необходима. И всё же нельзя перечеркнуть величайшую идею Макаренко, считавшего своей задачей не переделку нескольких воров, а воспитание свободных людей.

Необходимо, наконец, отойти от стереотипа, сложившегося в конце тридцатых годов. Тогда, конечно, макаренковские колонии существовать не могли. Как можно было совместить его идеи и массовые репрессии? Он ставил задачу воспитания свободной личности, а в это же самое время лучшие из этих личностей попадали за решётку на «перевоспитание». Этого страшного парадокса, возможно, не понимал и сам Макаренко.

В. СЕРИКОВ, Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель РСФСР, Москва: Мне тоже пришлось испытать, что такое тюрьма. Отец мой был расстрелян в 1937-м, мать отсидела 10 лет, я воспитывался в детдоме для детей репрессированных. А в 1947-м — и сам попал на 3 года в тюрьму как «немецкий шпион». За эти нелёгкие годы я понял, какую огромную роль играет неформальный лидер. «Искусственно» никогда не создать такого авторитета, какой создаёт сама группа — подростков ли, взрослых. Наша педагогика, увы, предпочитает этого не замечать. За 27 лет работы бригадиром я тоже опирался не на «чистеньких» и «красивых» — опирался на тех, кто мог найти выход из экстремальной ситуации, у кого были задор, энергия. По-моему, и у Макаренко немного бы получилось, если бы он не искал опоры в колючих, резких, но настоящих детских лидерах.

А. КАЛАБАЛИН, директор детского дома, Лобня Московской области: Макаренко понял это давно, а мы продолжаем выбирать «чистеньких». Как ребята попадают в колонии? Приходит в школу пытливый, не похожий на других, всё ему надо потрогать, проверить. Не терпит он только одного — несправедливости. А учителю он мешает, лезет с вопросами, спорами. Наш учитель ох как не любит возражений. Парня потихоньку отесняют на последнюю парту. А на первой оказывается бессменный председатель совета отряда, аккуратненький и удобненький подхалим. В разведку с ним никто не пойдёт, весь класс об этом знает. Но педагогов он устраивает. А наш, который с последней парты, становится персоной «нон грата» — начинаются разгоны и разносы, комиссии по делам несовершеннолетних, на него валятся все шишки. Ну, а если и впрямь оступится —

не будет ему пощады. И вот на улице ищет он то, чего не нашёл в школе. Оттуда рукой подать до колонии... Макаренко именно таких обращал в свою веру. А мы всё никак не устанем с ними бороться.

Недавно я получил письмо от бывшего воспитанника Резванова. Вы, пишет он, всё о честности и перестройке, а у нас в училище перед открытым уроком учительница неделю всех натаскивала, каждое слово задалбливала. Почему она нам так не верит? И как я должен поступить? — это он у меня спрашивает. Всё встало с ног на голову: парень прошёл колонию, но непримиримость ко лжи и фальши сохранил. Это он мог бы кое в чём относительно честности и порядочности просветить учительницу, а не наоборот.

ВЕДУЩИЙ: Правильно ли я понимаю, что обвинение в том, что педагогика Макаренко — это педагогика беспризорных, мы можем снять за недоказанностью? И вернее будет сформулировать иначе: педагогика Макаренко — это педагогика для самостоятельно мыслящих, непохожих, разных. Это педагогика свободных людей. И ограничивать сферу её применения охранными вышками старались именно те, кто, видимо, и не мыслил жизни без этих вышек.

А. МАКАРЕНКО: «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека».

ОБВИНЕНИЕ ТРЕТЬЕ: Система Макаренко не работает в руках рядовых педагогов. Она — для гениев. Нам надо равняться на рядовых.

ВЕДУЩИЙ: Это одно из самых привычных обвинений, которое, кстати, адресуется любому неординарному педагогу — вы, конечно, работаете неплохо, но для массовой практики это

не годится. Любопытно дальнейшее движение этой логики — потому вас надо прикрыть... Но сейчас не об этом речь. Хочу предложить вашему вниманию гипотезу. «Обвинение» в гениальности связано в первую очередь с тем, что саму систему Макаренко очень плохо знают. Именно те, кто должен был бы её знать досконально.

Мы пригласили к нам студентку педагогического института с просьбой рассказать, как их учат Макаренко. Здесь необходимо маленькое отступление. Мы долго думали, как представить Ирину Владимировну, и всё-таки решили не называть её фамилии и института. Увы, к этому есть основания — человеку надо спокойно доучиться и получить диплом. Ситуация, согласитесь, ненормальная. И всякие разговоры о Макаренко останутся разговорами в пользу бедных, пока студенты и учителя боятся своих деканатов или роно, а собственное мнение и критика наказуемы.

РЕПЛИКА: Вот с этого и надо было начинать разговор...

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА, студентка третьего курса: У нас изучение Макаренко предусмотрено двухгодичным курсом педагогики и историей педагогики, рассчитанной на полгода. Казалось бы, времени достаточно, но на самом деле картина весьма унылая. Мы занимаемся по учебникам Бабанского и Ильиной. В них Макаренко упоминается вскользь при изучении вопросов коллектива, трудового воспитания, воспитания в семье, самоуправления. В каждом случае приведено по одной-две цитаты, оторванных от контекста. Кроме того, имя Макаренко аккуратно упоминается после каждого раздела в списке дополнительной литературы. Речи о системе Макаренко в целом не ведётся — вероятно, это зависит от инициативы преподавателя. В таком случае нам просто не повезло. Студенты в большинстве заканчивают пединститут с теми же знаниями о Макаренко, с которыми в него посту-

пали. Курс истории педагогики в учебнике Константинова по сути повторяет то, что мы уже «прошли». Вот и вся информация, которую мы получаем.

Л. НОВИКОВА: С Ириной трудно не согласиться — студенты мало что знают о Макаренко. В своё время мы проводили анкетирование учителей, и те, кроме «Педагогической поэмы», практически ничего не читали. Уже несколько поколений учителей знают о Макаренко только пона-слышке.

Р. БЕСКИНА, директор Музея А.С. Макаренко, Москва: Я убеждена, что правда о жизни и труде Макаренко должна быть восстановлена — тогда не останется места разговорам, что он — наш вчерашний день. Ведь ни один химик не скажет, что ему уже не нужен Менделеев, биолог не заявит, что может обойтись без Дарвина. А про величайшего из педагогов сказать такое можно, сославшись на «специфические условия». У нас в музее лежит некролог Макаренко, 1939 год: «Президиум Союза советских писателей с глубокой скорбью извещает о внезапной кончине писателя-орденоносца, друга советского юношества А.С. Макаренко». Хоронил его Союз писателей. К сожалению, и до сих пор мы больше помним его как писателя, а не как педагога-подвижника.

Сейчас наш музей, недавно получивший официальный статус при Педагогическом обществе, едва справляется с огромным наплывом посетителей. Хочется верить, что он не иссякнет сразу после 13 марта — даты столетнего юбилея педагога.

А. ФРОЛОВ: Настоящего интереса не возникнет, пока книг так мало. Последнее издание — восьмитомник — вышел тиражом 50 тысяч. Его не хватило даже специалистам. Кроме того, до сих пор переиздаются по четвёртому разу монографии о нём сорокалетней давности. В шестидесятые годы изучение Макаренко было практически прекращено.

Л. НОВИКОВА: Тогда возникла иллюзия, что всё уже изучено, вопрос закрыт.

В. СЕРИКОВ: Мне кажется, что Макаренко предать забвению нельзя. Я убеждён, что его система универсальна. Годится для детей и взрослых, для хулиганов и «нормальных». Дело в том, что это народное творение. Все люди участвовали в создании этой педагогики. Когда возникает что-то глубокое и значительное, одним умом, пусть даже гениальным, тут не обойтись. И я понял, что всё, что мне удалось в жизни сделать, в той или иной форме пересекается с идеями Макаренко. К его открытиям подводит сама жизнь.

Сейчас идёт перестройка. Я вижу, как много самого натурального диктаторства, волонтеризма в кабинетных починах, которые потоком инструкций спускаются «вниз». Я побывал в 12 городах, хотел увидеть, как наши, разумные вроде бы рекомендации по бригадному подряду воспринимаются на местах. Да никак! Если инициатива не возникла снизу, её нельзя навязать. Так вот, гениальность Макаренко не в том, что он навязывал, а в том, что аккумуляровал и задавал направление тем движениям, которые стихийно зарождались внутри самого коллектива. Заслуга его в том, что он выстроил «педагогическую логику», взявши её не с потолка, а из жизни народа.

В. СЛОБОДЧИКОВ: В народности педагогической системы Антона Семёновича сказалась его гениальность как практика. Но особо я подчеркнул бы, что он намного опередил и своё, и во многом наше время, как учёный, как социальный психолог. Научная психология сегодня только начинает «первооткрывать» многое из того, что Макаренко виртуозно воплощал в воспитательной работе.

А. МАКАРЕНКО: *«Революция только началась в самом человеке. Сейчас ещё много дураков сидят на местах, непосильных для них».*

А. КАЛАБАЛИН: И всё же правда в словах о том, что педагогика Макаренко не для всех, есть. Но это не «обвинение» в его адрес, это другое. Я имею в виду, что заставить всех работать одинаково, в данном случае точно как Антон Семёнович, нельзя.

А мы от привычного — заставить: все как один! — никак не уйдём. Сейчас со всех трибун — о самоуправлении и чуть не силой вводят в школу. Знать при этом не желая, что без сложившегося коллектива самоуправление — фикция, звук пустой. Оно в лучшем случае сгодится для того, чтобы дискотеку организовать.

Когда я в 74-м году стал директором профтехучилища и прочитал, как строилась коммуна, я, наивный человек, забеспокоился: чем там у нас в Госкомитете занимаются? Собрать всех директоров и обучить — вот и будем мы все строить коллективы. Но сложность-то в чём: ведь это абсолютно честная педагогика. Потому она и не приживалась. Демагогия и Макаренко несовместимы. А мы говорили детям о том, во что сами не верили, требовали от них то, в чём сами сомневались. Потому и погибали настоящие творцы-педагоги — их просто заедали. Поддавливали на любой ошибке и ликовали — вот вам ваш Макаренко!

А его система требует серьёзнейшего подхода. В орбиту системы Макаренко должны быть втянуты все слои общества — тогда выйдет толк.

О. ГАЗМАН, кандидат педагогических наук, Москва: Суть перестройки — во внимании к человеку, в гуманизации и демократизации. Такой подход определяет новые цели воспитания. В школах коллективов сегодня нет, следовательно, нет и не может быть демократического воспитания личности, не может быть выполнена задача формирования демократической культуры. Без решения этой задачи демократизация обречена на неуспех. Приведу высказывание В.И. Ленина: *«...Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся,*

Что нам сегодня известно о системе Макаренко?

на самом деле являются органами управления для трудящихся...» И дальше: «Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием».

Человек должен не просто отбивать уроки, а учиться отвечать за себя, защищать своё достоинство, своё мнение, дорожить коллективом, уважать знаки и символы демократии. Необходима специальная программа формирования демократической культуры. Если мы займёмся этим, то мы сделаем первый шаг и навстречу Макаренко, сумеем сломать стереотип, что его педагогика доступна лишь гениям.

А. МАКАРЕНКО: «Мы должны только хорошо понять положение нового человека в новом обществе».

А. ФРОЛОВ: Беда в том, что мы не научились формулировать и ставить цели воспитания молодого поколения. Не только для каждой эпохи, но и для каждого поколения,

утверждал Макаренко, необходима трансформация педагогической цели. В ней необходимо воплотить «требования общества в данное время» и подготовить будущие требования, уметь работать на перспективу. Без целесообразности воспитания, осознанной обществом, не может быть успеха ни у одного педагога, пусть даже самого талантливого и выдающегося.

Гигантский труд Макаренко — открытая система. Она вбирала и вбирает в себя то, что происходит в жизни. Она не замкнута, не мертва — она источник творчества и развития.

А. МАКАРЕНКО: «Настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества».

Заседание делового клуба вела
Е. Иллеш.

Статья предоставлена Халиковым М.Х. (один из воспитанников А. Калабалына). До 2010 года несколько лет работал сотрудником Педагогического музея). **НО**